

Сладкий сон окутал Е Тао, и усталость не смогла нарушить его покой. На следующее утро он проснулся в комнате один. Чжоу Цзыцянь оставил на кровати одежду, которую он должен был надеть, а на ней сидела кошка, источающая запах уксуса и обиды.

— Мяу... — Почему ты вчера вечером не пришёл ко мне?

— Мяу... — Я всю ночь провёл с Сяо Чэном, чуть не превратился в лепёшку под его весом!

— Мяу... — Хватит! Не думай, что я тебя прощу только за то, что ты погладил меня!

— Мяу~~ — Как приятно... — Несмотря на себя, кошка подставила мягкий животик.

Обычно только собаки любят, когда им гладят живот, но у Е Тао это получалось так искусно, что Баобао в этом вопросе опустил с пьедестала... или, возможно, с достоинства.

Чжоу Юньси родился недоношенным и с самого рождения был слабым и болезненным. В детстве он несколько раз едва не умер, и в самый критический момент семья уже приготовила для него погребальные одежды. Если бы семья Чжоу не была столь состоятельной, чтобы нанять лучших врачей и обеспечить его качественными лекарствами, а также тщательным уходом, он вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня.

Однако в этом году, в период смены осени и зимы, молодой господин неожиданно пережил этот сезон без болезней и несчастий. Это было нечто совершенно новое. Баобао, хотя и радовался за Е Тао, чувствовал легкий дисбаланс. Одно и то же тело: когда оно было под его контролем, оно страдало от болезней, а теперь, когда его занял Е Тао, все изменилось. Неужели их души так различались по качеству?

Баобао был удивлен, и Чжоу Цзыцянь тоже. Во время чаепития со Старейшиной Лю он спросил, есть ли разница в лекарствах, которые принимал его племянник в последнее время. Старейшина Лю ответил, что лекарства те же, но изменилось состояние духа принимающего.

В традиционной китайской медицине укрепление здоровья — это не только забота о теле, но и о душе. Умиротворение духа — это основа и ключ к здоровью. Избегая гордости и раздражения, сохраняя спокойствие, можно значительно улучшить физическое и психическое состояние.

Чжоу Цзыцянь лучше, чем кто-либо, почувствовал изменения в характере племянника, но он не ожидал, что это принесет такие значительные преимущества.

Однако эта идиллия длилась недолго. Не успел он спокойно провести зиму, как раздался звонок от Чжоу-старшего, который поинтересовался, когда они отправятся в путь. До китайского Нового года оставалось всего две недели, и по традиции Чжоу Цзыцянь должен был отвезти двух племянников в Хуэйчжоу, чтобы встретиться с отцом. Конечно, эта традиция зависела от состояния здоровья Чжоу Юньси. В прошлом году он не смог поехать, а этим летом Чжоу-старший просил внуков приехать, но Чжоу Цзыцянь отклонил это предложение. На Новый год они точно должны были отправиться.

На двадцатый день двенадцатого лунного месяца они отправились в Хуэйчжоу. Дорога была утомительной, и, как только они прибыли, Е Тао без церемоний заболел. Гэ Ци, сопровождавший их, не обладал таким авторитетом, как его учитель, и Чжоу-старший ему не доверял. Врач старика был вызван ночью.

На самом деле болезнь не была серьезной. Е Тао просто простудился в дороге, но его слабое

тело сделало обычные симптомы простуды невероятно тяжелыми. Казалось, они решили наверстать упущенное за время, когда он избежал болезней в смену сезонов.

Сяо Чэн был в отпуске на Новый год и не смог поехать в Хуэйчжоу. Местные слуги не имели опыта ухода за молодым господином, поэтому Чжоу Цзыцянь не доверил племянника никому и сам занялся его лечением.

Ночью у Е Тао поднялась температура, его бросало то в жар, то в холод. Чжоу Цзыцянь усердно прикладывал холодные компрессы, раз за разом протирая его ладони и ступни спиртом. К утру он наконец лег в кровать, обняв Е Тао и мягко успокаивая:

— Спи, когда проснешься, станет легче.

Е Тао был в полубреду, едва помнил, как его зовут, но чувствовал тепло и слышал спокойный, умиротворяющий голос. Вскоре он погрузился в глубокий сон.

После нескольких дней лихорадки у Е Тао начался кашель. Хотя это был признак того, что простуда отступала, каждый приступ был мучительным, словно его слабое тело пытались разорвать изнутри. Е Тао часто просыпался от кашля среди ночи, и, чем больше он лежал, тем сильнее кашлял. Чжоу Цзыцянь сажал его, обнимал, похлопывал по спине, давал воды и лекарства, пока тот не успокаивался, а затем снова укладывал в постель.

Е Тао пролежал в постели почти неделю, прежде чем смог встать. За эти дни Чжоу Цзыцянь, который почти не спал, превратился в элегантную панду с темными кругами под глазами. Е Тао смотрел на его усталое лицо, и в его душе возникло легкое волнение, словно камень, брошенный в воду, нарушил спокойствие.

Е Тао не терял голову. Он прекрасно понимал, что вся забота, нежность и терпение Чжоу Цзыцяня предназначались Чжоу Юньси. Сам же Е Тао был для него совершенно незнакомым человеком. Тем не менее, теперь все это доставалось ему, и он уже почти год жил в такой атмосфере заботы и внимания. Он не был бесчувственным, но их отношения были четко определены, и все ограничивалось легким трепетом сердца, не более.

На двадцать девятый день в полдень слуги привели в комнату Е Тао и Чжоу Цзыцяня двух незнакомцев, один из которых нес небольшой чемодан.

— Волосы отросли, я вызвал парикмахера, чтобы подстричь тебя, — сказал Чжоу Цзыцянь, поглаживая кончики волос Е Тао. — После этого ты примешь ванну.

Е Тао только начал поправляться, и, возможно, не стоило его беспокоить, но по старым традициям в первый месяц года нельзя стричь волосы. Если не подстричь их до Нового года, пришлось бы ждать до второго числа второго месяца. Чтобы племянник встретил Новый год аккуратно, Чжоу Цзыцянь решил действовать именно так.

Е Тао ждал этого несколько дней. С тех пор как они приехали в Хуэйчжоу, у него не было ни минуты покоя. Чтобы сбить температуру, Чжоу Цзыцянь несколько дней растирал его спиртом, отчего тот стал напоминать алкоголика. Личная гигиена сводилась к обтираниям.

Видя, что Е Тао немного расслабился, Чжоу Цзыцянь решил подшутить:

— Не хочешь мыться? Ну и ладно, ты ведь и так источаешь сироп от кашля, не будешь пахнуть.

Е Тао спокойно ответил:

— Лучше все же помыться, а то вы уже перестали различать запахи.

Чжоу Цзыцянь рассмеялся и ласково потрепал его по голове:

— Наконец-то появился хоть какой-то блеск в глазах.

Парикмахер, вызванный семьей Чжоу, был известным стилистом из Хуэйчжоу. Его мастерство было безупречным, и он подходил к своей работе с большой ответственностью. Если бы позволяли обстоятельства, он мог бы превратить голову клиента в произведение искусства. Но сегодня его клиент был слабым и болезненным, и у него не было сил на долгие процедуры. Чжоу Цзыцянь даже не позволил Е Тао помыть голову, просто сбрызнул ее водой из пульверизатора и приступил к стрижке, чем значительно облегчил работу ассистенту.

Когда Чжоу-старший пришел проведать внука, стрижка только что закончилась. Чжоу Цзыцянь вышел, а слуга настраивал горячую воду в ванной. В комнате остался только Е Тао.

— Чувствуешь себя лучше? — Чжоу Сяньжэнь не был мягким и добродушным стариком. К сыновьям он относился почти строго, и с внуками тоже не был особенно ласковым. Это не значит, что он не любил своих внуков, просто его характер не позволял ему показывать свои чувства.

— Гораздо лучше, — ответил Е Тао, наливая старику чай. — Дядя сказал, что вы тоже кашляете, и я боялся заразить вас, поэтому не приходил.

— Это старые проблемы, ничего серьезного. — У Чжоу Сяньжэня были проблемы с легкими, и каждый зимний сезон его мучил кашель. Если бы не это, он бы не оставил внуков в Столице на попечение младшего сына.

Перед поездкой в Хуэйчжоу Е Тао несколько раз разговаривал с Чжоу-старшим по телефону и видел его фотографии. Чжоу Сяньжэнь, казалось, не любил фотографироваться, и в доме в Столице сохранились только старые снимки, где ему было чуть за пятьдесят, и в его чертах еще сохранялась молодая элегантность. Теперь же он был худым и седым. Ему еще не было семидесяти, но он выглядел гораздо старше. Его волосы поседел после потери сына и жены, и с тех пор его здоровье только ухудшалось. Он переехал в Хуэйчжоу, чтобы избежать воспоминаний, которые вызывала Столица.

Е Тао и Чжоу-старший оба были немногословными. Старик явно не собирался использовать здесь свои навыки общения с делового мира, а Е Тао боялся проговориться перед мудрым стариком. Поэтому, когда Чжоу Цзыцянь вернулся, он увидел, что двое молча сидят друг напротив друга. Это не показалось ему странным, ведь настоящий Чжоу Юньси и его дед общались примерно так же. У других семей дедушки и внуки были близки, скучали друг по другу, если не виделись несколько дней. В их семье же лучше было вспоминать друг друга, чем встречаться.

Проводив Чжоу-старшего, Чжоу Цзыцянь спросил Е Тао:

— Вы не виделись два года, и тебе нечего было сказать деду?

Е Тао оставил при себе слова Баобао: «Мы с дедом редко видимся, у нас нет общих тем, кроме вопросов о здоровье». Вместо этого он просто посмотрел на Чжоу Цзыцяня спокойным и невинным взглядом.

<http://bllate.org/book/17687/1650207>